

**РОССИЯ
В ПЕРЕЛОМНЫЙ
МОМЕНТ
ИСТОРИИ**

**Роберт
Уорт**

**И РУССКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ**

АНТАНТА

1917 – 1918

Роберт Уорт

**Антанта и русская
революция. 1917-1918**

«Центрполиграф»

Уорт Р.

Антанта и русская революция. 1917-1918 / Р. Уорт —
«Центрполиграф»,

Роберт Уорт знакомит читательскую аудиторию с историей дипломатии в начальный период русской революции. Он рассказывает о том, как строились отношения России с союзниками по Антанте и как воспринималась на Западе политическая и общественная жизнь России между Февральской и Октябрьской революциями. Автор передает те положения, которые закрепились в исторической науке на Западе, щедро цитирует многочисленные авторитетные свидетельства и периодику того времени. Уорт вносит ясность в вопрос о том, по каким причинам началась контрреволюционная интервенция и страны Антанты из союзников России превратились в ее врагов.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Роберт Уорт

Антанта и русская революция. 1917—1918

Предисловие

Настоящая книга является первой попыткой рассказать о том аспекте истории дипломатии в начальный период русской революции, который касается взаимоотношений России с другими государствами-союзниками по Антанте. Но речь здесь будет вестись не только о дипломатических переговорах – в противовес работам историков дипломатии в прошлом, которые добровольно возлагали на себя такое ограничение. Я пытался провести более глубокое и широкое изучение данного вопроса, но до тех пор, пока архивы Британии, Франции и России остаются закрытыми, историки не имеют доступа ко всему объему хранящихся там документов. Однако представляется существенным отметить, что крайне маловероятно, чтобы появление новых документов способно было внести кардинальные изменения в основную картину этих взаимоотношений. Исторические события вообще допускают различную интерпретацию, и вполне естественно, что многие читатели не согласятся с моим толкованием. Тем не менее я стремился изложить исторические события как можно более полно и беспристрастно, и, хотя пока по данной теме еще не производились систематические исследования с целью сформулировать какие-либо конкретные тезисы и выводы, думается, события и факты, изложенные в книге, невольно наводят на некоторые умозаключения. В качестве примера, возможно, стоит сделать основной вывод: политика и дипломатия союзников в интересующие нас годы исходила почти из полного непонимания сил и событий русской революции. Союзники – как и Центральные государства¹ – больше и прежде всего были заинтересованы в успехах военных действий, но провозглашенные ими идеалы, за которые они якобы и вступили в смертельную схватку с Германией, никогда более ярко не противоречили действительности, чем в проводимой ими политике по отношению к России, как демократической, так и большевистской.

Роберт А. Уорт

Ньюарк, Нью-Джерси

¹ Центральными государствами автор называет противников Антанты: Германию, Австро-Венгрию и пр. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Глава 1

Царская Россия и мировая война

Война 1914—1918 годов нанесла ощутимый удар по либеральным идеалам XIX века – не подвергающейся сомнениям вере в свободный рынок, в свободу людей и в способность совершенствования человечества. Из этой войны возникла русская революция – событие столь огромного исторического значения, что оно еще до сих пор не осмыслено в полной мере даже теми, кто изучает и преподаёт историю. Знакомство с учебниками по истории Европы приводит к любопытному выводу, что в них, за очень немногими исключениями, гораздо больше внимания уделяется описанию сражений и военных кампаний периода Первой мировой войны, чем событиям русской революции.

Как убийство в Сараеве наследника австро-венгерского престола было лишь непосредственным и не основным поводом для войны, так и сдвиг настроений в России в сторону революции начался задолго до полного истощения царской династии, что в 1917 году привело к ее окончательному крушению и к победе большевиков. Несокрушимая мощь германской армии обнажила прогнившую социальную структуру России, на которой держался старый режим, и ускорила его неизбежную гибель. Рискованная иностранная политика, проводимая Николаем II во время своего злосчастливого правления, некоторыми недоброжелательными критиками интерпретировалась в основном как попытка предотвратить усиление революционных настроений. Возможно, именно с этой целью и был затеян русско-японский конфликт 1904 года, но он принес России только революцию 1905 года, которая могла бы стать крахом царской династии, если бы она вовремя не пошла на некоторые уступки.

Первые месяцы мировой войны, казалось, подтверждали мысль, что «маленькая победоносная война» действительно была средством, необходимым для восстановления жизнеспособности и престижа царского режима. Но поскольку она оказалась отнюдь не маленькой и не победоносной, в первой половине 1914 года появились зловещие признаки угрозы, которую могли предотвратить только война или кардинальные реформы. Революционный дух, затихший почти на десять лет, вновь ожил, выразившись в волне политических забастовок. В июле для подавления всеобщей забастовки были вызваны войска. В столице возводились баррикады и шли уличные бои. Серьезный характер волнений был несколько затушеван визитом доброй воли президента Французской республики Раймона Пуанкаре, который стремился укрепить союз с Россией. Хотя беспорядки в основном ограничивались городами, казалось, ситуация стремительно приближалась к той, которая охватила Россию в 1905 году.

Объявление Германией 1 августа 1914 года² войны вызвало в России взрыв народного патриотизма, против которого открыто высказывались только социал-демократы. Их политические взгляды были основаны на принципах марксистского социализма, и с 1903 года они раскололись на две фракции: большевиков, под руководством Владимира Ильича Ленина, и меньшевиков, под руководством Георгия Плеханова и Юлия Маркова. В 1912 году раскол стал окончательным, и в результате появились две разные партии, каждая из которых считала себя подлинной наследницей учения о социализме, изложенного в сочинениях Карла Маркса. Обе партии выразили войне неодобрение – что составляло примечательный контраст по сравнению с позицией социалистов остальных воюющих на стороне Антанты стран, – проголосовав против войны на специальной сессии Думы 8 августа 1914 года. Однако вскоре стало очевидно, что только большевики выступают против войны, которую они называли «капиталистической» и «империалистической», и что меньшевики решили пойти по пути оппортунизма, поддержав

² 19 июля 1914 г. по старому русскому календарю. В книге всюду использован новый стиль летоисчисления.

войну как «оборонительную» по характеру. Большевики поплатились за свою непримиримую позицию, когда 18 ноября того же года пятеро их представителей в Думе были арестованы и затем сосланы в Сибирь.

Помимо большевиков другой единственной значительной группой в России, про которую можно было сказать, что ей недоставало энтузиазма по отношению к войне (открыто они никогда против нее не высказывались), были крайние правые. Союзу с демократической Францией они предпочитали альянс с монархической Германией. Но насущные требования международной политики были важнее вопросов идеологии, и им пришлось по мере сил примириться и с союзнической системой, и с войной. Однако по мере того, как война поворачивалась к России все более черной стороной, в обществе усиливались слухи о прогерманских настроениях в верхах. Хотя в большинстве случаев эти слухи были необоснованными, они получили широкое хождение и были связаны со скандальными рассказами, которые ходили об императрице и ее пресловутом советнике, религиозном шарлатане Григории Распутине.

Естественно, эти слухи тревожили союзников России и ту небольшую часть русского общества, которая по своим взглядам ближе всего была к верхним слоям среднего класса западных демократов. Давние приверженцы английского и французского парламентаризма, они громче всех заявляли о своей поддержке войны, при этом сочетая патриотические и политические чувства таким образом, что это отвергалось реакционерами. Признанным лидером этой группы был известный ученый и историк Павел Николаевич Миллюков, а его партия называлась «конституционные демократы» (кадеты). На взгляд стойких приверженцев царской династии, кадеты были революционерами, но фактически их политические устремления простирались не дальше либерализации существующего режима, возможность чего, как они полагали, значительно увеличивалась участием в войне наравне с другими союзными державами. Однако время шло, а надежды не осуществлялись – и так до тех пор, пока время для реформ не было безнадежно упущено; затем стремительно развивающиеся события вместе с остатками монархии смели и «революционных» кадетов.

Русская армия была грозной по численности, но во всех остальных отношениях оставалась гораздо слабее армий Германии, Англии и Франции. Во время войны было мобилизовано более четырнадцати миллионов человек, что не могло не подорвать экономику страны. Недостаток ружей, амуниции, боеприпасов и другого военного снаряжения; недостаточно развитая транспортная система; нехватка докторов, медсестер и медицинских материалов и некомпетентность большого числа военных командиров – все это проявилось уже в первые несколько месяцев войны. Если бы главные военные силы Германии были направлены на Россию, а не на Францию, то в 1914 году она потерпела бы настоящий крах. Но стратегией германского высшего командования предусматривался стремительный удар на Запад – план, который мог принести ей большой успех, если бы наступление России в Восточной Пруссии не вынудило Германию перебросить на Восточный фронт две армии. Они прибыли слишком поздно, чтобы помочь сокрушить русских у Таннерберга (30 августа), но ослабили наступательную силу на Западе, и отчасти в результате этого французы смогли выиграть решающую битву при Марне (6—12 сентября) и предотвратить захват Парижа.

Наступление русских было предпринято только после неоднократных просьб Франции, послу которой в Петрограде Морису Палеологу суждено было всю войну заниматься просьбами о помощи. Огромные и частые денежные займы, которые Франция предоставляла своей верной союзнице, послужили основной причиной некоторого усовершенствования российской армии, и кредиторы не намеревались позволить России забыть об этом. Французские генералы цинично видели в безграмотных и обычно покорных русских солдатах, набранных из крестьянского сословия, лишь превосходное пушечное мясо, а ее невероятная численность возродила легенду о «непреодолимой русской силе». Многие русские знали об этом и, хотя зачастую великодушно отзывались на мольбы о помощи, предпочитали получать займы, но

ограничивать свои наступательные операции более слабым австрийским фронтом. У Британии была возможность вести подобные дела с большим тактом. Ее посол сэр Джордж Бьюкенен, блестящий дипломат старой школы, пользовался в России огромным доверием, к тому же на его долю не выпадали такие неприятные поручения, как на долю его французского коллеги. Несмотря на свой крайний консерватизм, Бьюкенен был также очень популярен среди кадетских лидеров и членов Думы, тогда как Палеолог отличался социальным снобизмом, предпочитая общество консервативных аристократов.

Для России события 1915 года имели более злосчастные последствия, чем события предыдущего года. Успешное наступление против Австрии на Юго-Западном фронте внезапно оборвалось. Тогда на помощь своей союзнице пришла Германия. Их объединенное наступление началось 1 мая 1915 года, в результате чего российские войска были изгнаны из Галиции и вынуждены были отступить по всему фронту протяженностью тысяча триста километров. В течение всего лета длилось отступление, и потери приближались к ужасающей цифре в триста тысяч человек ежемесячно. Этими потерями российская армия была обязана как недостатку вооружения, так и другим факторам Дэвид Ллойд Джордж, который в 1916 году стал премьер-министром Британии, позднее резко отзывался о грубых промахах военной стратегии союзников, когда безуспешные атаки пехоты поглощали огромные количества боеприпасов, которым можно было найти лучшее применение на русском фронте. «Если бы мы отправили в Россию половину боеприпасов, израсходованных в этих злосчастных сражениях, и одну пятую часть количества винтовок, которые там были использованы, – упрекал он, – можно было не только предотвратить поражение России, но и Германии пришлось бы испытать такой отпор, по сравнению с которым захват нескольких километров территории Франции, политых кровью, показался бы смешным».

Обвинение Ллойд Джорджа, хотя и предъявлено с точки зрения ретроспективы, в точности описывает скудость британской и французской поддержки их русскому союзнику. В современной войне человеческая плоть, безусловно, была неадекватной заменой механической силы. Но даже если бы все необходимое военное снаряжение и было предоставлено своевременно, его невозможно было бы использовать надлежащим образом без особой внешней помощи крайне разветвленной и запутанной транспортной системы России, которая была совершенно непригодна для обслуживания форс-мажорных ситуаций. Финансовая помощь со стороны союзников составляла: за время войны Британия предоставила займы на сумму 2 миллиарда 766 миллионов американских долларов, тогда как Франция выделила относительно меньшую сумму – 762 миллиона американских долларов. Соединенные Штаты, Япония и Италия также предоставили займы на значительно меньшие суммы. И хотя лишь часть этих займов была использована на закупки, по крайней мере, Россия не оказалась без финансовых средств для оплаты любых материалов, которые могла бы купить за границей. Обладающая крупным морским флотом Британия перевезла большую часть военных материалов, поставленных европейскими союзными государствами, тогда как русские и нейтральные суда в основном занимались поставками из Соединенных Штатов. Турецкие проливы Босфор и Дарданеллы были закрыты, поэтому почти все закупленное в Европе доставлялось в порты Белого моря, из которых во время летней навигации самым важным был Архангельск. Поставки через Владивосток, чьи портовые возможности были не очень велики, еще более затруднялись ограниченной пропускной способностью Транссибирской железной дороги, по которой товары доставлялись с побережья Тихого океана в европейскую часть России с огромной задержкой. В 1917 году в этот дальневосточный порт стали в значительных количествах стекаться поставки японских и американских военных материалов и к середине лета из-за недостатка транспорта застряли в доках. За время зимы 1916/17 года военные потребности России, казалось, начали наконец удовлетворяться, но было слишком поздно, поскольку по-прежнему внешне внушительная ее армия уже перестала существовать как эффективная военная сила.

Искренне стремясь добиться военных успехов России в общем деле борьбы с германским агрессором и не подозревая о будущем армии и всей империи, 5 сентября 1915 года царь принял на себя Верховное командование от своего дяди, великого князя Николая – шаг, к которому его настойчиво подталкивала императрица. Военный опыт нового Верховного главнокомандующего в основном ограничивался парадами. В обществе имела широкое распространение шутка о том, что его главным вкладом в обеспечение победы в Русско-японской войне было снабжение войск иконами за счет государственной казны. Царь предпринял этот шаг вопреки единодушным советам его министров, которые понимали, что в глазах народа он станет виновным в будущих военных поражениях, даже если он и не принимал бы участия в разработке реальных стратегических планов. Правительства союзнических стран также были огорчены этой новостью, но от открытых возражений воздержались. 16 сентября 1915 года была распущена Дума – еще один промах, который немедленно вызвал политическую забастовку в Петрограде. Эти инциденты отметили поворотный пункт судьбы правящей династии. Отныне неудовлетворенность общества верховной властью нарастала все больше, пока императорская супружеская чета не оказалась изолированной от остального населения страны.

1915 год также стал свидетелем заключения первых из многих секретных договоров, которые в последующие годы стали для союзнических государств серьезной проблемой. О существовании этих договоров стало известно только после того, как большевики в 1917 году обнаружили их в государственных архивах и опубликовали в газетах. Один из них, который имел для России самое важное значение, касался Константинополя и турецких проливов. С XVII века Россия искала выход в теплые воды Средиземного моря. С этой целью она предприняла несколько войн, но ее всегда останавливали превосходящие силы, что наиболее ярко проявилось в Крымской войне (1854—1856 годов), когда она потерпела поражение от Англии и Франции. В марте 1915 года переговоры между министром иностранных дел России и послами союзников заложили основу соглашения за счет Турции. Россия получала Константинополь и вожделенные проливы, тогда как Британии и Франции предоставлялись сферы влияния в Персии (ныне Иран) и в других районах Ближнего Востока. В апреле уговорили вступить в войну на стороне союзников Италию, пообещав ей австрийские территории. Другие подобные сделки, в которых участвовала Россия и большинство из которых было заключено в 1916 году, касались подкупа Румынии Турцией за ее вступление в войну, а также русско-японский договор по Китаю. Последний из всех тайных договоров, заключенный незадолго до отречения царя, предоставлял России свободу в определении ее западных границ в обмен на поддержку французских притязаний на земли вдоль Рейна.

Отсутствие в столице царя, который отправился в зону военных действий, дало простор интригам на домашнем фронте, где безраздельно правили императрица и Распутин. Далеко не выдающийся ум Николая и его слабование отступали перед властью супруги. Ее ежедневные письма к супругу, полные признаний в любви и различных советов, изобличают натуру ограниченную, с экстравагантными и довольно невежественными понятиями, пренебрежительно относившуюся ко всему, что касалось благополучия страны, и полагавшуюся исключительно на советы безграмотного развратника Распутина. Всем было известно о его дебошах, но, несмотря на неоспоримые доказательства порочности этого человека, императрица продолжала неукоснительно доверять ему из-за его кажущейся способности лечить ее сына и наследника трона Алексея, больного гемофилией. Императрица была особой крайне невротического склада, и по своей силе ее привязанность к Распутину носила явно патологический характер. Как говорил один из премьер-министров этого времени (И.Л. Горемыкин), это был «клинический вопрос». Распутин приобрел столь огромное влияние на императрицу, что любой министр, который осмеливался высказаться против него, оказывался в опаснейшем положении, а его прихожую постоянно заполняли завистливые искатели судьбы и льстецы. «Министерская чехарда», как стали называть быстро сменяющиеся друг друга назначения среди чле-

нов кабинета, привела к тому, что высшие посты благодаря своей близости и преданности придворной камарилье стали занимать откровенные бездарности. Самым вопиющим примером, поскольку он касался поста премьер-министра, стало выдвижение некомпетентного реакционера Бориса В. Штюрмера, который возглавил кабинет министров в феврале 1916 года. Он был тайным противником войны и, предположительно, симпатизировал немцам, поэтому его назначение крайне возмутило союзников. Антивоенное настроение Распутина также воспринималось как убедительное доказательство его прогерманских симпатий – в чем обвиняли и Ленина, который придерживался политических убеждений, совершенно противоположных взглядам Распутина, – а самые пылкие патриоты считали его германским шпионом. Французский посол говорит, что в отчаянии подумывал о целесообразности подкупа Распутина союзниками, но отверг идею как слишком рискованную.

Какими бы сомнительными ни были политические перспективы России, ее военное положение в 1916 году несколько улучшилось. Поскольку Германия была занята Западным фронтом, а Австрию тревожила итальянская армия, на Восточном фронте царило относительное спокойствие. Увеличение количества боеприпасов, финансовая помощь союзников и подъем военного производства на отечественных заводах помогли преодолеть хронические недостатки, которые досаждали российской армии. В июне было предпринято наступление на Австрию под командованием талантливого генерала Алексея Брусилова. В начале кампании были достигнуты некоторые впечатляющие успехи, и в течение лета русские войска постоянно продвигались вперед. Но эти успехи были достигнуты только благодаря огромным человеческим жертвам, и вскоре обозначился резкий спад боевого духа армии, когда количество дезертиров достигло ужасающих цифр – к ноябрю оно составляло уже миллион солдат. В австрийской армии дезертирство также достигло внушительных размеров, и наступление русских удалось остановить лишь благодаря поддержке германских войсковых соединений. К осени русские были уже остановлены по всему фронту, а на некоторых участках их даже потеснили назад. И хотя русская армия разочаровала Францию, не сумев произвести наступление против Германии всем фронтом, – что почти наверняка привело бы к катастрофе, – ее действия спасли от уничтожения и сохранили для союзников итальянскую армию. Этот результат казался таким обнадеживающим, что собравшиеся на встречу в ноябре 1916 года военные стратеги союзников оптимистично призывали Россию произвести весной полномасштабное наступление, одновременно с планирующимся нападением франко-британских войск на Западном фронте.

Возрождение престижа России в 1916 году было очень важным, поскольку ее скромные успехи на полях сражений скрывали растущие политические трудности. Обмен миссиями доброй воли в течение года также помогал замаскировать серьезное положение дел. В феврале делегация из шести русских журналистов объехала Англию и Францию. В обеих странах им был оказан теплый прием, сопровождающийся речами, банкетами и осмотром войск. Предложенная в обмен идея визита английских журналистов наконец преодолела возражения со стороны российского правительства и была одобрена, но затем британский посол в России посоветовал отменить визит по политическим соображениям. Если бы об этом инциденте стало известно, он мог бы свести на нет результаты визита русских и укрепить доверие к начавшим циркулировать в странах-союзниках смутным слухам о внутренней обстановке в России.

В мае последовал еще один визит русских в Англию, но более официальный по характеру, поскольку в приглашение были включены десять членов Думы и десять членов Императорского совета. Члены Думы с готовностью приняли приглашение, но из консервативного Совета только семь особ согласились на эту поездку. Сначала эта группа посетила Англию и Шотландию, где в их честь были даны множество приемов с демонстрацией преувеличенно дружеских чувств. Они получили официальное приглашение на банкет, который устраивал премьер-министр Герберт Асквит. На речь Асквита было поручено ответить барону Роману Розену, бывшему послу в Соединенных Штатах и старшему члену Императорского совета,

что вызвало недовольство нескольких членов делегации. Розен был настолько оскорблен этим инцидентом, во время которого ему пришлось выслушать оскорбительные замечания относительно его немецкого имени и происхождения, что отказался продолжить с делегацией дальнейшую поездку и проследовать на континент.

Во Франции делегаты имели возможность посетить участок фронта и получили отличные впечатления от военных усилий Франции. Кроме того, они осмотрели контингент российских войск, находившихся на учениях в Майи и представляющих собой авангард из двух бригад, которые позже сражались на Западном фронте. Воспользовавшись случаем, семь членов Думы подвергли критике Мориса Палеолога как слабого представителя Франции в России. Несомненно, это было результатом широко известной любви посла к придворной жизни, которую он предпочитал общению с более плебейскими кругами Думы. Из-за отсутствия хорошей замены Палеологу было решено оставить его на посту; позже он не был отозван из-за происшедшей в России революции. Посетив военные заводы и передний край фронта в Италии, делегация вернулась в Россию с блестящими отчетами о том, что удалось увидеть в странах союзников.

На обратном пути произошел инцидент, совершенно не относящийся к деятельности делегации и приобретший весьма дурной привкус. В Стокгольме Александр Протопопов, вице-председатель Думы, встретился с известным германским финансистом и получил от него предложение заключить мир между Россией и Германией. Это был не первый и не последний пример утечки информации, касающейся переговоров о сепаратном мире, в которых была замешана Россия. Весной 1915 года бывшая наперсница императрицы Мария Васильчикова, которая была интернирована в Австрию еще в начале войны, написала первую серию писем царю, целью которых было заложить основы для мирных переговоров. Перед этим с ней общались персоны, близкие к придворным кругам Берлина и Вены, а затем у нее состоялась беседа с министром иностранных дел Германии. Несмотря на отсутствие ответа из России, в том же году ей разрешили приехать в Петроград, где она даже удостоилась приема царя; но чтобы погасить открытый скандал, вызванный ее амбициозными, хотя и любительскими попытками в дипломатии, она укрылась в имении своей сестры под Черниговом. Одновременно с деятельностью Васильчиковой предпринимались еще некоторые шаги в этом направлении, среди которых особенно примечательными были безуспешная попытка брата императрицы, великого князя Гессе, который пытался уговорить царя послать своего эмиссара в Стокгольм, и столь же неудачная попытка личного представителя датского короля вовлечь русское правительство в переговоры о мире. Не увенчавшиеся успехом попытки «зондирования почвы для мира» – среди прочего – наконец убедили Центральные государства, что Россию невозможно изолировать от ее союзников. Но легко понять озабоченность Британии и Франции, время от времени сталкивающихся с зачастую подтасованными сведениями о закулисных переговорах о мире, тем более что по времени они совпадали с еще более искаженными рассказами о предательстве и политическом хаосе в высших эшелонах власти, которые провоцируются кликой Распутина.

Отчасти с целью положить конец неуверенности относительно серьезного отношения к участию России в войне великий военный герой Британии лорд Герберт Китченер, занимавший в это время пост военного министра, отправился с секретной миссией в Петроград. Еще в мае 1916 года Китченер сообщил российскому послу о своем желании посетить Россию, если ему направят официальное приглашение. Царь с готовностью пригласил его произвести тщательное изучение военного положения России и просил свободно поделиться своими рекомендациями по его улучшению. 5 июня Китченер с группой сопровождающих лиц отплыл в Архангельск, но в тот же вечер недалеко от шведского берега его корабль подорвался на mine и через десять минут затонул. Удалось спастись лишь нескольким членам его делегации. Смерть Китченера потрясла британцев, а его авторитет был столь высоким, что позднее многие полагали: если бы он смог убедить царя провести некоторые необходимые реформы, то в 1917 году

можно было бы предотвратить революцию и выиграть войну. Но это убеждение скорее было основано на преклонении перед героем войны и наивном представлении о причинах развития исторических событий, чем на понимании российской действительности. О том сопротивлении, которое он мог встретить, можно судить по замечанию Распутина, переданному императрицей своему царственному супругу: «Для нас хорошо, что Китченер погиб, потому что иначе он мог был навредить России». Было предложено послать вместо Китченера генерала сэра Уильяма Робертсона, начальника штаба, но он сослался на долг, который призывал его оставаться в Британии.

В заключение серии обменных визитов весной 1916 года в Россию прибыла французская миссия, в то время как делегация Думы навещала западных союзников. Цель этой миссии была такой же, как миссии Китченера, но, поскольку ее возглавляли не военные, а два члена кабинета министров, Рене Вивиани и Альбер Тома, она скорее имела характер миссии солидарности. Многие из высших чиновников, казалось, ожидали прибытия последнего с нескрываемым страхом. Социалист патриотических убеждений, имеющий репутацию жесткого делового человека, Альбер Тома явно оправдал их опасения. Он нашел множество поводов для критики и не замедлил ее высказать. «Россия должна быть очень богатой страной, чтобы позволить себе роскошь содержать такое правительство, как ваше, – иронически заметил Тома одному из чиновников, – потому что ваш премьер-министр – это несчастье, а военный министр – настоящая катастрофа!»

Отдавая должное пышным приемам, француз тем не менее затрачивал много сил для выполнения одной из главных целей своего визита: пополнение русскими солдатами истощенной французской армии. В декабре прошлого года этот вопрос уже поднимался делегацией во главе с Полем Думером, членом французского сената. Он просил четыреста тысяч человек, которых направляли бы партиями по сорок тысяч в месяц на протяжении десяти месяцев. Русским не нравилась идея возмещать своими солдатами потери французских вместо того, чтобы отправить на Западный фронт отдельную армейскую единицу, а подразумевающийся под этой просьбой смысл о поставках пушечного мяса вызвал их естественное возмущение. Путем затягивания переговоров они старались избежать прямого отказа и пообещали в качестве эксперимента прислать одну бригаду. В марте, когда бригада уже направлялась во Францию, этот вопрос был заново поднят через русского посла в Париже. Тот передал просьбу французов послать четыреста тысяч солдат в греческие Салоники, где у союзников размещался плацдарм, чтобы возместить потери среди французских колониальных войск, а затем еще двести тысяч – в Румынию для наступления на Болгарию. Но им была предложена только одна бригада для Салонок; понятно, французов это не могло удовлетворить. Вивиани и Тома было дано незавидное задание убедить российских генералов изменить свое решение. На совещании, где присутствовал сам царь и его военные советники, Вивиани изложил просьбу прислать огромное количество войск, первоначально запрошенных Думером. В конце концов Николай согласился послать пять бригад (пятьдесят тысяч солдат) во Францию за период от 15 августа до 15 декабря, в дополнение к первой, которая отправилась в марте, и ко второй, которая должна была отправиться в Салоники 15 июня. И хотя эти цифры были далеки от тех, которые запрашивались, можно было считать, что французская миссия справилась с поручением. И 17 мая оба министра покинули страну через Архангельск. В конце августа бригада, предназначенная для отправки в Салоники и находившаяся тогда в Марселе, подняла мятеж; солдаты убили командира в чине полковника и ранили нескольких офицеров. Для подавления мятежа были вызваны французские войска, и около двадцати мятежников были казнены. Палеологу напомнили о предостережении Сергея Сазонова, министра иностранных дел, который сказал: «Когда российский солдат находится за пределами родины, он бесполезен; он сразу рассыпается». Этот инцидент оказался дурным предзнаменованием для судьбы оставшихся на французской земле русских военных соединений.

Обмен миссиями в 1916 году не смог изменить самоубийственную политику династии, где, выражаясь на принятом в то время языке, по-прежнему правили «темные силы». В июле Сазонов вынужден был сложить с себя полномочия, и его портфель был передан Штюмеру, который сохранил за собой и пост премьер-министра. Возражения со стороны британского и французского послов были оставлены царем без внимания. Неудовлетворенность масс постепенно возрастала, и в придворных кругах можно было слышать о дворцовом перевороте – сначала разговоры велись тихо, но со временем об этом заговорили все громче и настойчивее. Недостаток продуктов в городах стал привычным явлением, и к октябрю стоимость жизни в них подскочила в триста раз по сравнению с предыдущим периодом. На заводах, фабриках и среди тыловых солдат стала распространяться пораженческая пропаганда. Стачка петроградских рабочих, которая произошла 29 октября, достигла такого размаха, что для ее подавления была вызвана полиция и два гарнизонных полка. Войска отказались стрелять в забастовщиков и повернули винтовки против полиции. В конце концов четыре полка казаков загнали мятежников в казармы. Если верить Палеологу, наказание было жестоким: 9 ноября были расстреляны сто пятьдесят солдат, и как только об этом стало известно в рабочих районах, стачки возобновились.

14 ноября вновь была созвана Дума, которая создала платформу для критики правительства. Обычно объектом нападения служили министры, но не сама династия, поскольку даже «прогрессивный» блок не имел ни малейшего желания во время войны усиливать революционные настроения. Однако во время сессии лидер кадетов Милюков прозрачно намекнул на поведение императрицы в речи, в основном посвященной бесчестным поступкам Штюмера, из которой знаменитая фраза «что это – глупость или предательство?» приобрела широкое хождение как приговор, как призыв к свержению существующего режима. 2 декабря с такой же смелой речью выступил Владимир Пуришкевич, преданный монархист, открыто назвавший источником проблем Распутина. Дума приветствовала его выразительное нападение громом аплодисментов и, желая продемонстрировать свой патриотический энтузиазм, устроила новую овацию послам союзнических держав. Американский посол Дэвид Р. Фрэнсис, тоже находившийся в дипломатической ложе и не понимавший русского, позабавил своих коллег, раскланиваясь налево и направо перед обращенными к ложе лицами думцев, решив, что эта овация в честь Соединенных Штатов. Бедный Фрэнсис был крайне смущен, когда британский посол с самым бесстрастным видом сказал, что немедленно информирует министерство иностранных дел его страны, что Америка присоединилась к союзникам.

Пуришкевич не замедлил подтвердить свои слова делом. С помощью трех заговорщиков, из которых самым важным являлся князь Феликс Юсупов, выдающаяся фигура в придворных кругах, он начал составлять план убийства Распутина. Деяние было осуществлено на рассвете 30 декабря, причем весьма неуклюже и с огромными трудностями, ибо для уничтожения выносливого фаворита двора пришлось использовать и яд, и пули, и удары по голове, и утопление. За исключением узкого кружка камарильи императрицы, вся страна с радостью встретила известие о его смерти. Особенно высшие классы общества, в которых распространилось мнение, что очищенная от Распутина династия каким-то образом окрепнет и снова обретет доверие народа. Но в данном случае вряд ли можно было этого ожидать. Крестьянам и солдатам произошедшее представлялось слишком отдаленным от их насущных интересов и лишь на время привлекло их внимание. Для правящей четы убийство Распутина было ударом по их авторитету и престижу и одновременно личной утратой, вследствие чего она еще меньше склонялась к каким-либо послаблениям режима.

Царь постоянно получал предостережения, что его политика ведет страну к гибели, но они производили на него мало впечатления, если не сказать, что вообще никакого. 12 января 1917 года Бьюкенен, британский посол, испросил аудиенцию у Николая, намереваясь обрисовать серьезность положения вещей, даже если это превысит границы дипломатического эти-

кета. Вместо того чтобы быть принятым в неформальной обстановке личного кабинета Николая, как тот обычно делал, на этот раз посол был вынужден ожидать появления царя в зале для приемов. Этот ясный признак неодобрения едва не выбил почву из-под ног Бьюкенена, но он сумел твердо держаться своего намерения и откровенно высказал царю мнение о его ошибочной политике. Он указал на некомпетентность администрации, на продовольственный кризис, на частую смену министров и на растущую опасность революции. В заключение он предупредил, что династия находится на развилке исторического пути: «У вас есть возможность выбрать одну из двух дорог. Одна приведет вас к победе и к славному миру, а вторая – к революции и к катастрофе». Николай поблагодарил его, внешне благосклонно восприняв критику; но, как всегда, когда его вынуждали признать неприятную правду, скорее он испытывал раздражение. Императрица, которая, очевидно, слышала весь разговор, находясь в соседней комнате, реагировала более откровенно, составив впечатление – и, видимо, сумев убедить в нем и царя, – что посол задумал переворот с целью возвести на трон одного из великих князей. Это странное подозрение стало основой для дальнейших утверждений защитников династии, что ответственность за революцию, которая разразилась через два месяца, целиком лежит на Бьюкенене. Министр внутренних дел порекомендовал установить слежку за британским посольством, а императрица предложила, чтобы посол был отозван. Но Николай запретил принимать столь решительные меры, не желая обнаружить свое недоверие представителю союзнической страны.

В конце января 1917 года в Петрограде состоялась давно откладываемая конференция союзников, самое крупное и блестящее собрание из тех, что проводились в военное время. Во время беседы с царем Бьюкенен говорил о перспективах войны в самом пессимистичном тоне, и будущее показало поразительную точность его предсказаний. «В истории великих войн редко встречается такое явление, когда столь большое количество ответственных министров и генералов решились покинуть свои страны по делу, оказавшемуся столь бесполезным», – откомментировал событие Брюс Локарт, тогдашний вице-консул Британии в Москве. Британскую делегацию возглавлял лорд Альфред Милнер, член Специального военного кабинета, с генералом сэром Генри Вильсоном и еще пятью генералами в качестве военных советников. Франция прислала Гастона Думерга, министра колоний, и генерала Эдуарда Кастельно, возглавлявшего ставку, приехали и представители таких менее влиятельных государств, как Италия и Румыния. Члены делегации тщательно отбирались в надежде, что более внушительная делегация будет иметь больше шансов на успех. Дата конференции несколько раз переносилась по просьбе российского правительства, чтобы дать ему возможность подавить революционные настроения. Когда стало невозможно и дальше откладывать проведение конференции, Дума, которая должна была собраться 23 января, отложила начало своей работы до 27 февраля, чтобы избежать открытых политических разногласий.

Все представители союзников, пятьдесят человек, отплыли из Англии и прибыли в столицу России 30 января 1917 года. После пленарного совещания, состоявшегося 1 февраля, конференция разбилась на несколько комитетов, которые должны были обсуждать вопросы политики, финансов и транспорта, а также проблемы технического обеспечения армии, организации и стратегии. Армейские офицеры объезжали фронты, а гражданские чиновники и политики высказывались по поводу положения в стране. Бесконечная череда банкетов, завтраков и приемов создавала соответствующую торжественную и праздничную атмосферу и являлась средством помешать гостям серьезно обсудить те проблемы, которые, как всем было известно, были куда важнее мелких технических вопросов, рассмотрению которых делегаты посвящали столько времени. Но даже при этих, главным образом, добровольно принятых на себя светских обязанностях ни один из делегатов не попытался перешагнуть за рамки условности и поднять волнующие всех вопросы. Царь дал официальный прием, на котором вел себя с обычной безукоризненной любезностью, но упорно избегал затрагивать любые темы, кроме самых банальных. Трудно сказать, было ли это показной апатией или просто устраниением от

обсуждения сложных проблем, – качество, свойственное всем Романовым. Милнер, казалось, с самого начала потерял всю надежду и механически выполнял свой долг, не скрывая своего крайнего неодобрения. «Мы тратим время попусту!» – часто жаловался он. На одном из собраний он «демонстративно откинулся в кресле и громко застонал», когда направление дискуссии стало еще более безнадежным, вспоминал Родзянко. Только генерал Вильсон сохранял оптимистическое настроение, оживленно участвуя в торжествах.

Французскую делегацию, казалось, не столько тревожила перспектива революции, сколько обеспечение поддержки России ее территориальных претензий на предстоящей мирной конференции. В состоявшемся 3 февраля разговоре с царем Думерг добился необходимых гарантий на получение Францией территорий по левому берегу Рейна, о притязаниях на которые по полученной из Парижа инструкции Палеолог заявил в официальном письме российскому министру иностранных дел. Эти переговоры держались в секрете, и британское правительство ничего о них не знало, пока в ноябре того же года большевики не опубликовали этот факт в газетах. От французов решительно потребовали объяснения, и они прибегли к совершенно неубедительному, но безошибочно срабатывающему приему, заявив, что Думерг превысил данные ему полномочия. Конференция закончила свою работу 21 февраля 1917 года, и результаты ее были весьма ничтожные, если не считать оценки нужд российской армии и обмена мнениями по широкому кругу вопросов. Просьба делегатов о разрешении задержаться в Петрограде до очередного созыва Думы была отозвана, когда кто-то из придворных чинов по секрету признался, что если они останутся, то начало заседаний Думы придется отложить еще на две недели. Одного этого намека было достаточно, чтобы делегаты встревожились по поводу опасной политической ситуации в стране. Тем не менее даже явные признаки коррупции и дезорганизации, волнения и стачки в Петрограде, предупреждения лидеров Думы и различные планы смещения правящей четы, о которых открыто судачили в обществе, не смогли вызвать в членах миссий представление о неминуемо приближающейся революции. Исключение, возможно, составлял сэр Уолтер Лейтон, эксперт по военному снабжению, который выразил свое частное мнение, отличающееся от официального отчета. На удачное предсказание приближающейся революции претендовала также итальянская делегация, но веских доказательств, что их политическое предвидение оказалось основательнее прозорливости коллег из других стран, не существует. Милнер, который на протяжении всей работы конференции сохранял мрачное выражение лица, в своем докладе военному кабинету сообщил, что «в разговорах о революции было много преувеличений, и особенно относительно предполагаемой нелояльности армии». Думерг был еще более оптимистичен. «Я привез превосходные впечатления от поездки, – сообщил он корреспонденту газеты «Матен». – Из всех разговоров, которые я имел, и из всего, что я видел, ясно, что Россия единодушно настроена продолжать войну до полной победы».

Спустя два дня после отъезда миссии Милнера из Петрограда царь дал аудиенцию председателю Думы Михаилу Родзянко и услышал то, что должно было послужить ему последним предостережением. Холодная сдержанность, с которой обычно принимался председатель, на этот раз превратилась в ледяную. Николай равнодушно слушал доклад Родзянко о сложности политической обстановки в стране и наконец раздраженно его прервал: «Вы не могли бы побыстрее закончить с докладом? Меня ожидает к чаю великий князь Михаил Александрович». Родзянко торопливо дочитал доклад и закончил следующим: «Считаю своим долгом, ваше величество, выразить вам мои глубочайшие опасения и убеждение, что этот мой доклад вам будет последним». Николай поинтересовался, почему он так считает. «Потому что Дума будет распущена, – последовал ответ, – а курс правительства не предвещает ничего хорошего... Вы, ваше величество, со мной не согласны, и все останется по-прежнему. Последствиями этого, по моему убеждению, станет революция и анархия, которую никто не будет в силах обуздать». Николай на это ничего не ответил и лишь коротко простился с Родзянко.

Дума собралась через четыре дня, когда на улицы Петрограда вышли бастующие рабочие, в основном сохраняя порядок демонстрации. Открытые призывы к политическим беспорядкам не высказывались, но ситуация казалась временной и могла продолжаться до тех пор, пока либо мнимая революция сверху, либо подлинная революция снизу не устранист растерянность членов Думы. Еще через неделю царь изъявил желание обсудить вопрос об одном из важных министерств и объявил о своем намерении прийти в Думу, чтобы сделать заявление по этому вопросу. В последний момент он передумал и 8 марта уехал в штаб войск, получив окончательные заверения министра внутренних дел, что для подавления возможного восстания в столице будут приняты все меры. В тот же день разразился «хлебный бунт», и забастовали более девяноста тысяч рабочих. К 9 марта беспорядки и забастовки стали еще более серьезными, их не могли подавить, потому что вызванные для восстановления порядка казаки стали брататься с рабочими. И все же пока еще никто не думал, что давно ожидаемая революция, о которой мечтали миллионы людей и ради которой пожертвовали своей жизнью тысячи, становилась наконец реальностью.

Бьюкенен, который не был склонен недооценивать опасность революции, в своих донесениях в Лондон стремился приуменьшать трудности. Он приводил высказывание советника посольства о том, что проблема разрастается, «как это происходило уже раньше», говорил об «огромных толпах людей» и о случаях «некоторого беспорядка, впрочем, несерьезного». Такой же была преобладающая точка зрения даже в революционных кругах, но сила уже «выплеснулась на улицы» в ожидании появления нового политического устройства.

Глава 2

Союзники и мартовская (Февральская) революция

Взбунтовавшиеся безымянные массы Петрограда совершили последний толчок, который предал трехсотлетнюю династию Романовых полному и неоплакиваемому забвению. В течение пяти дней на улицах столицы бурлил народ, пока 12 марта растущее неповиновение войск не переросло в настоящий мятеж, и то, что казалось серьезным восстанием, перешло в увенчанную успехом революцию. Когда было уже слишком поздно, Родзянко отправил царю вторую отчаянную депешу – первую царь оставил без внимания, – умоляя немедленно принять какие-то меры: «Меры должны быть приняты незамедлительно, ибо завтра будет уже поздно. Пробил последний час, когда должна решиться судьба страны и династии». Прочтя депешу, Николай раздраженно заметил: «Этот толстопузый Родзянко снова написал мне полную чушь, на которую я даже отвечать не буду».

После 12 марта едва ли один человек поднялся на защиту старого режима, настолько он себя дискредитировал. Против взбунтовавшейся столицы были посланы войска, но они самовольно «демобилизировались» и присоединились к революции. Заразительная атмосфера товарищества и братства охватила шумную толпу, кипящую энтузиазмом. Классовые различия стирались и снова стали проявляться только после того, как прошло первое опьянение победой. Всех ораторов слушали с одинаковым жадным вниманием, были ли они самыми рьяными революционерами или консервативными националистами вроде Родзянко. Из тюрем были выпущены все заключенные без разбора, как политические, так и уголовники. Большого кровопролития не произошло, так как полиция оставалась преданной монархии. Обнаружив человека в полицейском мундире, хотя большинство полицейских благоразумно поспешили от них избавиться, толпа жестоко с ним расправлялась, но, принимая во внимание размах переворота, таких случаев было не так уж много.

События развивались столь стремительно, что не успевавшие реагировать на них Дума и царь значительно оторвались друг от друга и от революционных масс. К тому моменту, когда Николай наконец решил, что необходимо немедленно создать ответственное министерство во главе с Родзянко, думские лидеры также опоздали выполнить свой план по спасению монархии, для чего намеревались возвести на трон одного из великих князей. Оказавшись перед фактом массового дезертирства из армии, Николай II 15 марта отказался от трона в пользу своего двенадцатилетнего сына Алексея, назначив регентом своего брата, великого князя Михаила. Милюков возвестил об этой смене правителя собравшейся перед зданием Думы толпе и попытался пояснить смысл события, но ему не дали говорить, заглушив его криками. Позднее Николай передумал назначать наследником трона Алексея из-за его хронической болезни и в официальном манифесте об отречении возложил царствование на великого князя.

16 марта думский комитет пытался убедить Михаила согласиться на правление. Поскольку ни Милюков, ни Родзянко не могли гарантировать его личную безопасность, Михаил счел благоразумным отказаться от престола. Окончательно осознав полное крушение идеи конституционной монархии, думские лидеры продолжали лихорадочно искать какие-либо лозунги, посредством которых революцию можно было бы «дисциплинировать» и сделать ее порождением самой Думы. Французский посол, вызванный Родзянко для совета, сказал, что его прежде всего беспокоит вопрос войны и что необходимо как можно скорее восстановить порядок и свести к минимуму все последствия революции. Василий Шульгин, депутат-консерватор, выразил чувства своих коллег, когда предупредил, что «если мы не возьмем власть, ее возьмут другие... те, кто уже выбрал на фабриках каких-то негодяев». «Негодяи на фабриках», о которых он говорил, были представителями Советов рабочих и солдатских депута-

тов, уникальной формы революционной демократии, которая впервые заявила о себе во время революции 1905 года. Советы представляли собой местные образования, в состав которых входили депутаты, избранные из среды рабочих, крестьян и солдат. Поскольку Петроградский Совет располагался в самой столице, во время мартовской (Февральской) революции он обладал гораздо большим влиянием и властью, чем советы, находившиеся за ее пределами. Эти организации отражали действительное состояние народного мнения гораздо точнее, чем Временное правительство, которое приняло на себя руководство страной после отречения великого князя. Возник феномен «двойной власти» с непреодолимым противоречием интересов, представляемых законным правительством и фактически существующей властью Советов; это противоречие поначалу было не очень заметным, но постепенно все более обострялось, пока в ноябре большевики не сумели захватить власть.

Лидерами Думы было избрано Временное правительство. Оно возглавлялось князем Георгием Евгеньевичем Львовым, честным, но бесцветным кадетом правого крыла. То, что на этот пост был избран именно он вместо более ожидаемого по логике кандидата Родзянко, было результатом влияния Милюкова, чья личная непопулярность в народе помешала ему самому стать главой правительства. Милюков контролировал деятельность нового правительства, но сам удовлетворился портфелем министра иностранных дел. В целом кабинет контролировался кадетами и консервативными националистами (октябристами), единственное исключение составлял пост министра юстиции, который был отдан Александру Федоровичу Керенскому, юристу умеренных левых взглядов, вскоре ставшему главной фигурой правительства. Николай Чхеидзе, меньшевик, недавно избранный председателем Петроградского Совета, был рекомендован на пост руководителя Министерства труда, но отказался от него, подчиняясь резолюции Исполнительного комитета Совета, которая высказалась против участия во Временном правительстве. Керенский, который так же был членом Совета, отказался подчиниться резолюции и тем не менее сохранил твердое положение в обоих лагерях. Как выразился Ленин, правительство было сформировано из «десяти министров-капиталистов и Керенского в качестве заложника демократии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.